Его пальцы прижимались к моей вульве, слегка двигаясь над трусиками и колготками. Если он думал, что сможет меня возбудить, он был не в своем уме. Если бы это была рука Дуга, мне, наверное, понравилось бы то, что он делает, будь я в настроении. Но это не так, и я не в настроении. Единственное, что я чувствую - это ужас.

Я стояла на месте и позволяла ему делать то, что он хотел. Я смотрела в окно, как пара людей проходила мимо моего дома по тротуару снаружи. Я завидовала им их нормальной и, возможно, счастливой жизни. Они были свободны приходить и уходить, как им заблагорассудится. Я была вынуждена стоять в своей гостиной и позволять какому-то парню приставать ко мне, а затем по желанию изнасиловать меня.

Я была настолько отвлечена этой чередой мыслей, что почти не слышала его, когда он тихо приказал: "Подними юбку до талии".

Я не отказалась. Но сначала мои мышцы не подчинялись. Я дрожала от ужаса, когда, наконец, смогла заставить пальцы схватиться за материал юбки и медленно поднять ее вверх по бедрам.

Он тихо засмеялся и сказал: "Так и знал, что на тебе будут уродливые трусики. У тебя есть какие-нибудь сексуальные трусики или мне придётся отвести тебя за покупками?"

По моим щекам теперь стекали слезы отчаяния. Я больше не могла их сдерживать. Я тихо плакала, когда ответила: "У меня есть пара трусиков в стиле бикини. Ты это имеешь в виду?"

Он не ответил. В последовавшей за этим неловкой тишине я почувствовала, что должна добавить: "Я всегда ношу их для работы".

Как только я заговорила, я пожалела об этом. Я не должна была ему объяснять!

Он уставился на мое обнаженное белье, когда снова спросил: "Сколько тебе лет?".

"Двадцать шесть."

Он с отвращением покачал головой и сказал: "Черт! Ты одеваешься так, будто тебе пятьдесят шесть! У тебя красивое тело. Но тебе точно нравится его прятать.

"Не волнуйся, сука. Мы это изменим."

Он наконец-то убрал руку с моих ног и сел обратно. Я стояла там, боясь двигаться. Моя юбка все еще была на талии. Он посмотрел на меня, не торопясь, еще немного растягивая мое унижение.

Мне пришло в голову, что у него есть целый день, чтобы мучить меня, прежде чем мой муж

вернется домой. Он прожил через дорогу от нас половину своей жизни. Наверное, он прекрасно понимает, каков наш график.

Он протянул руку вниз и потер непристойные выпуклость в штанах, как бы привлекая мое внимание к этому. Я посмотрела вниз, не в силах удержаться. Когда я снова отвернулась, я увидела, что он заметил. Он знал, что я знаю о его эрекции и испугалась ее.

Он положил руку на выпуклые штаны, как бы напоминая мне, что он мастурбировал, думая обо мне. Так же спокойно, как если бы он каждый день приказывал взрослым женщинам, он сказал: "Снимай блузку".

Я убрала дрожащие руки с юбки. Когда она не вернулась на место, я протянула руку вниз, чтобы надавить на бедра. Он улыбнулся и покачал головой.

"Оставь это, тупица! Чёрт! Через несколько минут ты будешь голой. Сейчас это не имеет значения."

Я принялась умолять его еще раз. Но это была пустая трата времени, и я знала это. Я протянула руку и с трудом расстегнула блузку пальцами, которые так дрожали, что я почти не могла их контролировать.

Я начал контролировать свои пальцы к тому моменту, когда дошла до последней открытой пуговицы. Я вытащил блузку из-за пояса и расстегнула две последние пуговицы. Как только последняя пуговица была расстегнута, моя блузка упала на несколько дюймов, не выставляя ничего такого, чего не было бы на пляже в скромном бикини.

Но я не в бикини и это не пляж.

Тот факт, что парень, который собирается меня изнасиловать, видит часть моего бюстгальтера и большое количество плоти, которые он не должен видеть, делает даже эту скромную выставку унизительной.

Тот факт, что это недобровольно, что меня заставляет раздеваться парень, имя которого я даже не знала десять минут назад, делает это намного хуже.

Я медленно распахнула переднюю часть блузки, удивляясь, как я смогла когда-нибудь снова встретиться с мужем после того, как сделала то, что мне сегодня придется делать.

Меня вдруг поразило осознание того, что я смирилась с тем, что это произойдет. В этой мысли не было никаких "если". Я собираюсь подчиниться этому зловещему молодому человеку. Меня изнасилуют. Не один раз. Меня будут насиловать неоднократно.

Я собираюсь пережить худший кошмар каждой женщины. И это будет не только сегодня. Он с

самого начала ясно дал понять, что теперь я принадлежу ему. Это было одной из первых вещей из его уст.

Он был так же забавен моим содержательным бюстгальтером, как и моими обычными белыми трусиками. Когда я опустила блузку на руки и уронила её на кофейный столик, он сказал: "Ты больше не будешь носить это. Господи, сука! Тебе не нравится секс?"

Я предположил, что это риторический вопрос. Я стояла и ждала следующего возмущения. Но он хотел получить ответ. Он зарычал: "Я задал тебе гребаный вопрос!"

Я чуть не сорвалась. Я воскликнул с глубокой неприязнью, которую больше не могла сдерживать, несмотря на то, что понимала, что глупо сопротивляться ему: "Да! Мне нравится заниматься любовью! Но я не желаю, чтобы меня насиловали!"

Это была еще одна половина правды. Реальность такова, что я немного сомневаюсь в сексе. Мне нравится целоваться и быть потроганной. Мне нравится видеть, как мой муж смотрит на меня и зная, что он находит меня желанной. Я думаю, что оргазмы - это прекрасно, и обычно они у меня бывают, когда мы занимаемся любовью. Но мне не нравится этот беспорядок, и порой... может быть больше, чем порой, мой муж хочет заняться сексом, когда мне просто не хочется. Хотя, когда все в порядке, мне нравится секс.

Я сразу же пожалела о своем всплеске. Но, к счастью, он проигнорировал враждебность в моем голосе и сказал: "Я не об этом! Ты одеваешься как гребаная монахиня!"

Я объяснила: "Вот так я одеваюсь для офиса. Эта одежда подходит для работы. Так должна одеваться женщина, если она хочет, чтобы к ней относились серьезно в офисе".

Я была так зла на себя за то, что так защищаюсь по этому поводу. Мне не нужно объяснять ему, почему я так одеваюсь.

Он посмеялся и сказал: "Ну, с этого момента я думаю, что на работе к тебе будут относиться гораздо менее серьезно. Мы пройдемся по твоему шкафу, и ты начнешь одеваться так, кем ты являешься сейчас, моя шлюха".

Он будет очень разочарован, когда начнет рыться в моем гардеробе. У меня есть несколько платьев, которые он может одобрить, очень мало. Большинство моих платьев было куплено с расчетом на офис. Моя повседневная одежда в основном состоит из брюк или удобных шорт и консервативных топов того или иного типа. Я не имею привычки одеваться, чтобы показать свое тело незнакомым мужчинам.

Мой разум был затянут обратно в унизительный подарок, чтобы снять юбку и колготки. Моя первая реакция была плохо продумана. Я почувствовала облегчение, что по крайней мере еще несколько минут моя грудь будет скрыта от его взгляда. Оглядываясь назад, можно сказать, что это довольно недальновидная реакция. Он пришел сюда не для того, чтобы изнасиловать

мою грудь.

Так как мои пальцы быстро касались пуговицы и застежки-молнии, держащей мою юбку на месте, я не мог не заметить тот факт, что сейчас я подчиняюсь мгновенно. Никаких мольбы. Никаких затруднений дыхания. Я уже приняла немыслимое, концепцию, что я позволю этому парню, этому молодому человеку, изнасиловать меня.

Мое подсознание, очевидно, пришло к такому выводу раньше, чем мое сознание. Как бы странно это ни казалось, осознание того, что это неизбежно, казалось, успокаивало меня. Больше нет необходимости бороться, чтобы найти способ избежать того ужаса, который, как я теперь знаю, вот-вот со мной случится. Не осталось ничего, кроме как каким-то образом выжить. Не физически. Я не ожидаю от него насилия. Мне нужно выжить с неповрежденным разумом.

На мгновение, где-то в глубине своего разума, я задумалась о том, как я оказалась в этом затруднительном положении, и подумала: "Я это заслужила. Это мое наказание. Это мое наказание за то, что я такой человек и совершаю ужасные вещи, которые я сделала".

Этот момент отвращения к себе продлился недолго. Я быстро встряхнула его. Никто не заслуживает быть изнасилованным.

Этот парень может сломать меня однажды. Но он еще этого не сделал. Не совсем. Под поверхностью я все еще сильная женщина, ответственная за беспорядок, в который я вляпалась. У меня нет выбора, кроме как подчиняться приказам этого извращенца. Я подчинюсь ему физически. Теперь борьба будет заключаться в том, чтобы сохранить мой разум в целости и найти его слабость. Должен же быть какой-то выход.

Я уронила юбку на кофейный столик с блузкой и потянулась к поясу колготок. Они ничего не скрывали от глаз. Но у них есть существенное ощущение, когда они на тебе. Я чувствую, как будто я одета во время их ношения. Снять их - большой шаг к тому, чтобы быть голым и уязвимым. Удалить их оказалось сложнее, чем я себе представляла.

Еще более тревожным является то, что удаление их по требованию перед Делоном является актом подчинения. Я раздеваюсь для развлечения 18-летнего парня. Это сложная концепция для такой консервативной женщины, как я.

Я опустила колготки, чувствуя прохладный, кондиционированный воздух в комнате на ногах. Это послужило ощутимым напоминанием о том, что я сейчас почти голая.

Я чуть не упал на задницу, пытаясь освободить ноги от колготок. Мои ноги были почти так же нестабильны, как и мои все еще трясущиеся пальцы. Я протянула руку и поймала себя на кофейном столике. Я использовала эту опору, пока снимала чулки. Стянутые чулки присоединились к двум другим моим нарядам на столе, и я выпрямилась назад, как никогда осознавая, что нахожусь всего лишь в моем лифчике и паре тонких нейлоновых трусиков.

http://erolate.com/book/247/1497